

Сун Ян торопливо схватил со стола чашку с чаем и осушил её до дна. Не то чтобы его мучила жажда, но если замешкаться, можно и умереть.

Лишь когда у самого корня языка расплылся горький вкус, он сообразил, что это вовсе не обычный чай, а лекарственный отвар с добавлением коптиса китайского.

От горести у Сун Яна скривилось всё лицо, вид у него был такой, будто его тошнит, но выплевывать он не смел, чем вызвал тихое усмехнувшийся смешок у стоявшего рядом человека.

Ну погоди у меня, умник хренов. Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет, я потерплю.

Стоявший рядом человек наконец заговорил:

— Сегодня на утреннем докладе император спросил меня, почему ван уже столько дней не возвращается и даже не явился во дворец на пир. Пришлось ответить, что ты предавался утехам в цветастых кварталах, хотя уж и не знаю, чья это вина, так что сегодня мне пришлось лично идти и забирать тебя.

Сун Ян торопливо сгрёб с лица кислую минну и с серьезным видом произнес:

— Разве я не заигрался до потери рассудков? Огромное спасибо премьер-министру за то, что вернул этого вана.

Тут он о чем-то вспомнил и добавил:

— На семейных пирах из года в год толкут воду в ступе об одном и том же, этому вану и идти-то лень.

Поймав на себе неопределенный взгляд Цяо Иня, Сун Ян испуганно съежился, умолк и потупил взор, уставившись на собственные носки сапог.

Он снова сболтнул лишнего? Да быть не может...

Цяо Инь тихо цыкнул, поднялся с места, завел руки за спину и сделал пару шагов вперед:

— Ты сегодня не в меру странный.

Услышав это, Сун Ян от страха покрылся мурашками с головы до ног. Он уже собрался было выкручиваться, как вдруг услышал вздох Цяо Иня:

— Впрочем, вполне в твоём духе.

Сун Ян тут же шумно выдохнул. Нельзя ли изъясняться не делая таких длинных пауз? Если человек со страху Богу душу отдать решит, кто за это отвечать будет?

Цяо Инь махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху, и бросил, не оборачиваясь:

— Ладно, ступай. Через пару дней я сам зайду за тобой в резиденцию вана Ань. Император хочет отпраздновать день рождения наложницы Сяо, ты обязан там присутствовать.

Сун Ян поспешно закивал: конечно же, он намоется до блеска и будет покорно ждать, пока Цяо Инь не отведет его навстречу смерти... Ой, не то, тьфу-тьфу-тьфу, конечно же, на праздничный пир.

С этими словами Сун Ян поднялся из-за кресла и уже хотел было улизнуть, но Цяо Инь его остановил:

— Гуй Синь, упакуй ту коробочку с коптисом для вана Ань, пусть захватит с собой и попивает не спеша.

Сун Ян мысленно взвыл от отчаяния: да не хочет он пить эту горечь! Ну и сволочь же этот Цяо Инь! Я с тобой посчитаюсь! Ах да, он же не смеет.

То ли Цяо Инь каким-то образом догадался, что Сун Ян только что обругал его про себя пару раз, то ли еще почему, но шедший впереди мужчина обернулся и бросил на него взгляд:

— На этих днях не вздумай шастать где попало, иначе, если император снова спросит, мне будет трудно отчитываться. А если у тебя и впрямь в одном месте горит от похоти, выпей побольше коптиса, глядишь, и спадет жар. — Закончив фразу, Цяо Инь не удержался и рассмеялся сам.

Сун Ян кипел от гнева, но пиикнуть не смел: у самого в одном месте горит, у всей твоей семейки там горит!

Однако, как бы сильно он ни сопротивлялся, а коптис в свою резиденцию всё же притащил. Он небрежно швырнул его служанке Юй Тао, выбежавшей ему навстречу, приказав забросить в самый темный угол покрываться пылью и ни в коем случае не подавать к столу.

Вернувшись в собственные покои, он запретил кому бы то ни было следовать за ним и прислуживать, а затем тщательно осмотрел всё вокруг.

Резиденция вана Ань поистине оправдывала звание самой роскошной во всей столице:

грандиозная архитектура, изысканная мебель из ценнейших пород дерева — казалось, еще чуть-чуть, и полы выложат золотыми кирпичами, а стены покроют сусальным золотом.

Хотя транжирство и впрямь запредельное, разве эту резиденцию не император жаловал?

Удел никчемного вана должен был находиться на юге за рекой, однако император милостиво разрешил никчемному вану получать доходы с удельных земель, даже не проживая там, да еще и позволил наслаждаться богатством и роскошью прямо в столице, избавив к тому же от необходимости посещать утренние доклады.

И впрямь деградировал до предела: к государственным делам не подпускает, а заодно начисто отрезает любые возможности для мятежа.

Сун Ян мысленно перетряхнул сюжет оригинального романа и разложил по полочкам всё, что сумел припомнить.

Главный герой-завоеватель и главный герой-возлюбленный к этому моменту уже должны были столкнуться на одном из прошлых приемов. Главным героем-завоевателем, судя по всему, являлся ван Пинчан по имени Сун Цзин, а героем-возлюбленным — третий сын правого премьер-министра Ли Суму. Любви с первого взгляда у них не случилось, однако они сошлись во взглядах как давние друзья, переписывались целую луну, а вскоре должны свидеться на другом банкете. Проникшись взаимным восхищением и проверяя друг друга на прочность, они — после череды непрерывных самоубийственных выходок никчемного вана — наконец открывают друг другу сердца и остаются вместе. Разобравшись с замышлявшим бунт никчемным ваном, император и вовсе полностью отбрасывает последние подозрения насчет вана Пинчана. Тогда Сун Цзин испрашивает у императора позволения жениться, на что тот с радостью дает согласие, и в конце концов они заживут долго и счастливо, причем Сун Цзин даже сложит с себя полномочия чиновника, чтобы вместе с Ли Суму отправиться странствовать по свету.

С чего бы никчемному вану, столь жалкому в первой половине истории, во второй вдруг начать с таким упорством лезть на рожон и копать себе могилу? Да у него бы и духу не хватило на государственный переворот, совсем не вяжется с тем образом ничтожества, что описан автором.

Сун Ян лениво отбросил эти размышления: раз уж его угораздило угодить сюда просто так, и никакой системный помощник не предупреждал о карах за ООС, он продолжит плыть по течению в роли никчемного увальня, будет держаться подальше от смут и бед — разве этого мало?

Вот только левый премьер-министр неизменно вызывал у него какое-то смутное чувство фальши. При умище и политических амбициях Цяо Иня просто не могло быть такого, чтобы он безмолвствовал на протяжении всей истории. По меньшей мере, когда никчемного вана оклеветали в попытке госпереворота и даже предъявили улики, Цяо Инь тишком да гладком состряпал дело так, что никчемного вана несправедливо казнили, а после этого почти и не

появлялся на страницах книги — ну до чего же непроницаемый тип, просто загадка природы.

Банкет по случаю дня рождения наложницы Сяо, до которого осталось всего несколько дней, должен стать второй встречей главных героев после обмена письмами. Сразу после этого между ними вспыхнет бурный роман, с чего и начнется череда безумных выходок Сун Яна, ведущих его прямиком к гибели.

События зашли уже так далеко? А он-то полагал, что всё начнется с самой первой страницы. Появился он здесь весьма вовремя — как раз успеет вовремя притормозить и не дать себе совершить фатальных глупостей, а раз так, разве избежит он жалкой участи?

Стоило Сун Яну немного порассуждать, как навалилась усталость. Сегодня он слишком сильно напрягал мозги, и прежде чем успел до конца разобраться в переплетении судеб, его сморил такой тяжелый сон, что оставалось только бросить думы, умыться и лечь в постель.

Да ну её, эту высокую политику, пускай о судьбах государства ломают головы другие, а он намерен с чистой совестью продолжать оставаться никчемным ваном.

Не прошло и нескольких дней, как Цяо Инь действительно заявился лично. Одет он был на редкость парадно: темные одежды подчеркивали резкие, благородные черты волевого лица, делая его еще более неотразимым, а широкие плечи и длинные ноги выдавали стать. То ли сказывалась привычка воротить делами в высших эшелонах власти, то ли врожденное естество, но от него исходило некое природное величие, от которого невольно хотелось трепетать.

Сун Ян торопливо привел себя в порядок и семенил следом за Цяо Инем.

Цяо Инь окинул его беглым взглядом и с заметным удовлетворением кивнул: в чем-то другом ван Ань и бесполезен, но вот мордашкой вышел вполне сносно. Стоит лишь чуточку приодеться — и вылитый человек, в жилах которого и вправду течет капля знатной крови.

— Пошли.

Попав во дворец, Цяо Инь сперва привел Сун Яна на поклон к императору. Сун Шао с отеческой лаской похлопал Сун Яна по плечу, отчего застывшая на лице племянника вымученная улыбка едва не треснула окончательно.

Вскоре подросел евнух и проводил их к месту проведения торжественного пира.

Наложница Сяо возвысилась при дворе за последние несколько лет, став главной фавориткой, и ей стоило немалых трудов пробить себе дорогу к этому высокому титулу. Устроенный в ее честь пышный праздник служил очередным живым подтверждением императорской милости.

Стоит ей только родить императору дитя — мальчика или девочку, — и её положение

зашатается уже нескоро.

Что же до нынешней императрицы Сун Шао, то поговаривали, будто она доводилась старшей сестрой Цяо Иню — некой Цяо Цинчжу, — однако особой любовью не пользовалась. Лишь изредка сам Цяо Инь заглядывал проведать ее, в то время как император и вовсе не обращал на жену никакого внимания.

Сун Ян мысленно вздохнул: и что с того, что она старшая сестра самого влиятельного при дворе премьер-министра? Всё равно прозябает в пренебрежении и одиночестве, носит пустой титул без реальной власти, ждет мужа, который никогда не придет, да еще и вынуждена угодливо заглядывать людям в глаза.

Верить мужчинам — всё равно что ждать, пока свинья на дерево залезет.

<http://bllate.org/book/22434/2356211>